

ным нормам. Подчеркнутые слова выделены курсивом, недописанные взяты в угловые скобки.

Примечания

¹ Цит. по: Коллекция книг и эпистолярный архив в фондах Зональной научной библиотеки Саратовского университета. Саратов, 1981. С. 55.

² Никитина Е. П. Умом и сердцем / Е. П. Никитина // Филология. Саратов, 1998. Вып. 2. С. 114.

³ Медведев А. П. Школа нравственного воспитания / А. П. Медведев // Методология и методика изучения рус-

ской литературы и фольклора. Ученые-педагоги саратовской филологической школы / под ред. Е. П. Никитиной. Саратов, 1984. С. 194.

⁴ Медведев А. П. Школа нравственного воспитания / А. П. Медведев // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Ученые-педагоги саратовской филологической школы / под ред. Е. П. Никитиной. Саратов, 1984. С. 194.

⁵ Отдел редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки им. В. А. Артисевич Саратовского госуниверситета. Ф. 1. Оп. 1. № 49.

⁶ Там же. № 137.

УДК 882-94 + 929 Скафтымов

ДНЕВНИКИ 1916 и 1937 гг.

А. П. Скафтымов

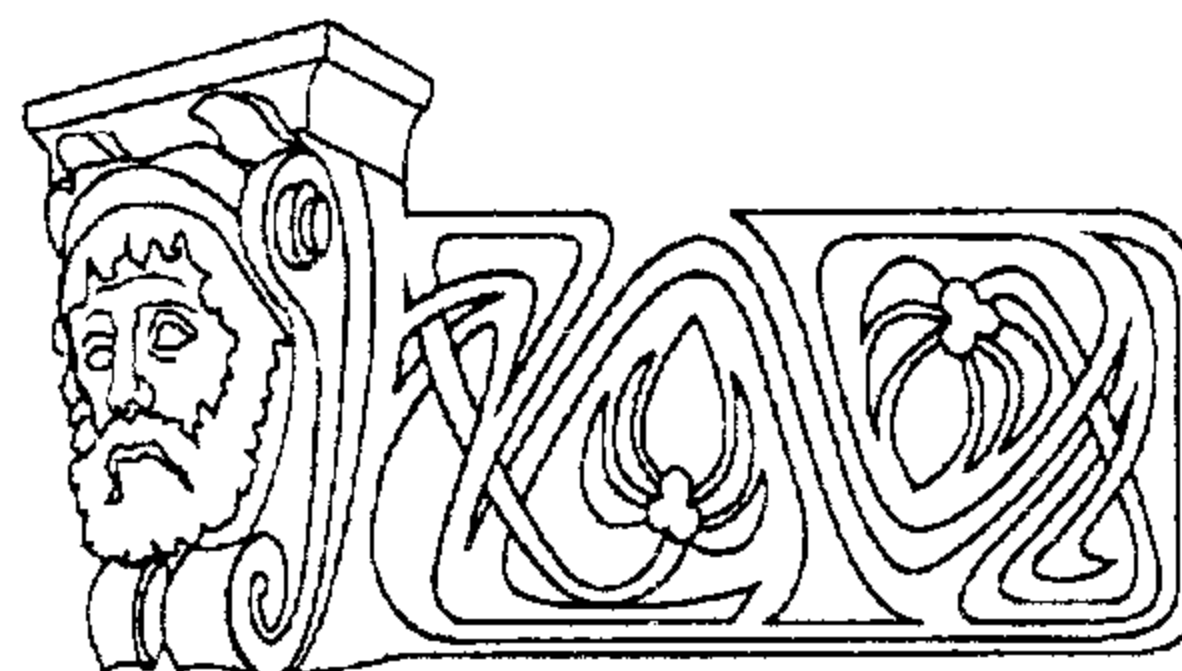
«Быть пред собой честным...»
Дневник 1916 года*

18 ф<евраля> 1916 г. Ночь.

«Если бы Вы¹ были мужчиной, мы могли бы быть друзьями», – приблизительно так я написал. Значит тогда уже почувствовалось близкое. Когда же и это и как началось. Вот вспоминаю ее за все время. Правда, была она всегда симпатична, располагала к непринужденности. Свежестью веяло. Она – форточка, которая всегда утешала и оживляла меня в учительской². Но ведь это было так незаметно. Я никогда о ней не вспоминал. Только среди других школьных впечатлений упомянул в письме к Ш.³ о ней. «Иногда, – писал я, – и в нашей учительской рождается игривое слово. Учит<ельница> фр<анцузского> яз<ыка>, молодая интеллигентная женщина дает к этому настроение и освежает собою атмосферу общего самоудовлетворенного педантизма». Это было так, к слову. Никогда не мог предположить, что она меня может так волновать, как теперь в последние дни. Как это началось? Когда?

У ней ласковый взгляд, чистый смех, нежная улыбка. Улыбается с ямочками. В ямочках и чистота, и нежность, и детство.

* *Позднейшая притиска*: Это писалось только для себя: строгая тайна (совестно было показать даже Вам). Думал, никогда об этом с Вами говорить не буду. И скрывать не хотел, но говорить самому, самому указывать на себя было не под силу.

Да, детство. Что-то ребяческое в ней есть. Может быть, это и есть чистота душевная, светлая непосредственность... А самое странное впереди. Детское в ней есть, но что это? Это не наивность, не незнание жизни и горечи. Что же тогда? Вот я и не понимаю. Это, пожалуй, не что иное, как отсутствие неприязненности к окружающему, симпатическое отношение ко всему живущему. Это, конечно, не есть довольство всем и благословение всему. Нет. Это не исключает негодования. Однако это – симпатическое негодование, оно лишено элемента упоения собственным превосходством. Бывает разное негодование. Одно, самое частое, соединяется всегда у негодующего с чувством своей исключительной пронизательности и порядочности: «а я, мол, не таков». Вспоминаю негодующую фигуру А. П.⁴ Всё он знает, понимает и сам выше всего. Негодует, как будто себя хвалит. У ней не такое негодование, оно лишено эгоистических примесей.

Однако, как же это произошло, что вот я сейчас почти в 2 часа не сплю и думаю о ней. И вчера не спал и думал о ней. Хотя о Лермонтове писал⁵, а думал о ней. Ищу встреч, даже, кажется, смущаюсь. Скучаю. Огорчаюсь неожиданным ее отсутствием. Что со мной сегодня было на концерте?! Она не придет, она ушла домой! И это было несча-

© В. В. Прозоров, публикация, 2005

© А. А. Гапоненков, подгот. текста, примеч., 2005

стием. Шальной ходил по коридору, вытягивал шею, оглядывался по сторонам. С какой-то жутью встречал каждого пришедшего, больно было ошибаться и разочаровываться, приняв за нее сходную издали фигуру. Что со мной? Ведь это собраны все смешные признаки влюбленности. А мне не смешно. Убеждаюсь, как искреннее чувство дурачит нас в глазах других. В антракте я кусал себе пальцы с досады. Мне показалось, она ушла домой после первого отделения. Я вслух с собой произносил какие-то восклицания. Заметил два-три взгляда на себе удивленных. Мне было все нипочем... Мелькнуло ее лицо, и отошло все. Я уже спокоен. Она здесь. Мне уже достаточно. Не это ли называют любовью? Я хотел бы, чтобы это дольше со мной продолжалось, а лучше всего совсем бы не прекращалось. Мучительно, но хорошо. Что хорошего? Не знаю. Подумаю после. А теперь вот о чем. Мое самолюбие. Обнаружить пред ней свое расположение мне несколько не унижительно в ее глазах. Я помню, мне всегда казалось и чувствовалось унижение в своих признаниях исключительного отношения к какой-нибудь особе. Особенно вначале. Сейчас этого, будто, нет. Я ей сегодня говорил о потере самообладания, и мне не было совестно и обидно. Я, значит, не боялся, что, мол, зазнается, свысока будет смотреть после. Впрочем, иногда и теперь пробегает несколько похожее на уязвленную гордость чувство, — это при мысли, что на меня могут посмотреть, как на славного, доброго, хорошего малого, сентиментального юношу, наивного и простоватого в своей незрелости. Основания к этому налицо. Я не хотел бы, чтоб на меня смотрели, как я смотрю на своих, хотя и славных, хороших, учеников. По аналогии сужу и считаю возможным именно такой взгляд. Однако в этом случае меня не подпустили бы к своей душе, как я не подпускаю... Впрочем все это, по сравнению с грустью и только что рассказанными волнениями, пустяки.

Я ее спросил: «Вы за обоих нас ручаетесь, что сдержанности не понадобится ни с той, ни с другой стороны». Ответила: «Ручаюсь». — «И за меня?» — еще раз я спросил. «Без сомнения», — был ответ. «Осторожно», — написал я.

19 февраля, день.

Спал я плохо. И все она. И утром проснулся с мыслью о ней. Вот и сейчас потянуло думать и писать о ней. Мне очень некогда. Я это знаю и все-таки вот сейчас сижу и опять пишу.

Ночью думал... Надо сказать ей обо всем, что со мной происходит, пусть знает. Что дальше? Ну а потом? Обычные мои вопросы. Не думаю я о них теперь. Мне ничего не нужно. Я хочу только не быть чужим. Ведь я и о себе-то не ясно всё представляю. Она тем более. Тут вот и есть, кажется, самое главное, самое странное. Думаю ли я о ней как о женщине (в девическом смысле). Нет. Однако это и не просто дружеское расположение. Я о своих друзьях так не скучал и за них не волновался, своих чувств к ним не записывал, не тянуло думать о них. Следовательно, тут не простые отношения. Это не дружба. А сон? Руки целовал. Ну-ка, поцелую ли я руку хоть у самого близкого друга? Никогда, спаси Боже. Это забавно. Да, тут не так просто. Однако, что же тут необыкновенного, о чем думать, что особенного, что я ее и стал любить, вот теперь, может быть, это и началось. Разница лет. Да, поставить нас рядом, будет несоответствие. Но ведь это только для других, для наблюдающих, для посторонних, для внешних отношений в жизни среди людей — несоответствие. А внутренне ведь мы во многом понимаем друг друга, так близко можем касаться интимного, что может ли быть речь о несоответствии. Конечно, у ней иная жизнь, чем у меня, иные дорогие мелочи облекают её душу, у ней иные страдания, у ней столько ценного в прошлом, такого близкого, дорогого, вся душа полна милым прошлым. Где же, в чем же могут быть общие точки. Могу ли я быть нужен ей. Фу, как глупо! Она и я!.. Могу ли я духовное удовлетворение давать. Для кого! Для нее. Вот она пропасть-то, вот когда я добрался до главного. Тут вся завязка моего узла.

23 февр<аля>.

Время идет... но не лечит. Скучаю так же, даже, пожалуй, больше. Идут занятия. срочная работа давит. Много усилий стоит каждое очередное дело. Внимание непрерывно отвлекается. Что же это такое? Так хочется ее общества, быть и говорить.

24 ф<еврля>. Ночь.

«С княжной Марьей нельзя было (Ростов) себе представить будущей жизни, потому что он не понимал её, а только любил»⁶.

Это ко мне относится, кое-что объясняет во мне самом. Однако именно *кое-что*, не больше. Думаю, что в нас понимание взаимное есть и очень яркое. Кое-что все-таки остается. Вот тут...

Вложено было ею случайно в книгу Лермонтова: «Боже мой! Что на свете не забывается! И если считать ни во что минутный успех, то где же счастье? Если б меня спросили, чего я хочу: минуту полного блаженства или годы двусмысленного счастья, я бы скорей решила сосредоточить все свои чувства и страсти на одно божественное мгновение... Есть вещи, которых забыть невозможно». (На другой стороне: «Радости забываются, а печали никогда... – Уж не молодость ли с своими благотворными бурями хочет вернуться ко мне опять, или это только ее прощальный взгляд, последний подарок – на память?...»). Последнее – выписка из «Героя наш<его> вр<емени>»⁷. Первое – из «Кн<ягини> Лиговской»⁸.

27 февр<аля>*

Зачеркнуто. 28 февр<аля>. Сюда пишу только о ней.

5 марта. Ночь.

В душе ужасная сумятица. И надо же было так случиться: полюбили, кажется, так как-то необыкновенно, странно и неудачно нужно было сложиться внешним обстоятельствам. Она старше меня, вдова. И в этом вся «неестественность» и затруднения. Если она меня любит, можно всем этим пожертвовать. Побольше твердости, ясности, нужно это в скором же времени определенно установить и определить дальнейшие отношения. Или ближе с ней, или далеко от неё. Иначе, какая эта мучительная тянучка, тоска и загадки, темное будущее.

6 марта.

Тоска, нудность, растерянность в настроении от остановки личной жизни. Моя собственная жизнь, интересы без отношения

к ней в это время отошли, забылись. В то же время не завязалось ничего в будущем и с ней общего. Я полон ею, мыслию о ней, но все без будущего. Естественно, охота к всякой деятельности исчезла, ведь деятельность – это приготовление будущего. Нет будущего, нет деятельности. Отсюда решение: надо теперь всё выяснить, может ли у нас быть общая жизнь, с предвидением общего в будущем для работы в настоящем. Жить кропательством в душах друг друга, жить только этим нельзя. Надо иметь стремления и действовать, желать их осуществления. Жизнь – ожидание, жизнь – бесконечные планы на будущее. И планы должны быть. Они и есть, но мы боимся их. Что-то шепчет, что не может у нас быть общей жизни, общих интересов в будущем, мы годимся друг для друга лишь как складочное место, приемник для личных интимных мыслей и выстраданных где-то, с кем-то, когда-то, в чем-то чувств, очарований и разочарований. Живет один, обособленно, получает и ждет и лишь, осмысливая текущее, идет к другому для сочувствия. Надо чего-нибудь желать вместе. Тогда будем вместе делать предположения, строить планы, огорчаться и радоваться двое об одном одинаково лично.

Обо всем этом при первой возможности серьезно переговорить.

Мне себя надо взять в руки. Я без нее не живу и с ней не живу. Я в пустоте. Отсюда тоска, нудность жизни, бесцветность, равнодушие ко всему. Надо вернуть свое личное, чем я жил прежде, что мне давало уверенность. Правда, оно потускнело. Однако неужели кончать жизнь? Далеко нет. Найдётся, чем жить. Постараюсь найти своё, безотносительно к ней. Это уже разъединение. Да. Жаль. Мне жаль своего хорошего чувства. Но ведь единения-то нет, оно только в мечтах. А жить-то ведь каждый день надо, нельзя жить без реального осуществления мечты, и особенно без надежды на осуществление. Поэтому или теперь же реализовать в представлении о будущем мечту свою и стремиться к ней, сейчас начать осуществление ее, или, если окажется невозможным это, сейчас же раздавить моё тяготение к ней как химеру, как всякую несбыточность. Опять тот же вывод: надо все теперь же выяснить. Иначе мука, растерянность, беспочвенность во всем текущем.

* Зачеркнуто несколько слов.

Сначала мне казалось, что если я открою ей свое к ней отношение, уже этим достигну ясности настроения. Ошибся. Этого мало. Ясность настроения и твердость духа зависят от отчетливости наших желаний и веры в их осуществление. Чем яснее мыслится реальность мечты, тем бодрее дух и живее энергия. — А у нас с ней ни слова о будущем. Мы и не пытаемся, даже как будто избегаем выяснять возможность мечты. Надо открыто с этого начать. Пусть она откровенно скажет своё. Все зависит от чувства. Находит она его в себе. Ценен ли я ей? Это определит дальнейшее. О сомнениях поговорим тоже открыто. Туман будущего рассеется. Будем знать, чего мы хотим — на завтрашний день.

7 марта.

Сегодня не была в гимназии. Я после уроков зашел к ней. Больна. Сердечные припадки. Разговорились. Сначала не хотел говорить о своих планах, откладывал. Все высказал о «театральных» мечтах.

Много ей приходится переживать. Колеблется. Страдает. Милая.

12 марта.

Гуляли. Много говорили, много стало ясней. Я уже спокойней. Будущее ясней, милей. Люблю по-прежнему сильно, печально и как бы робко. Последнее, кажется, признак истинности чувства.

16 марта.

Чувство у меня сильное, чистое абсолютно. Только зная свою подлую натуру, я иногда невольно боюсь будущего.

25 <марта>.

Изнервничался. Готовлюсь к речи о Лермонтове. Стихи: «Моя мать — степь широкая, мой отец — небо далекое...»⁹. Слезы брызнули из глаз. Сейчас не могу успокоиться.

30 марта.

Хочется записать: Иногда, моментально хочется скрыться от людей, от жизни, от себя. Приливы какого-то омерзения ко всему, сам себе противен, стыдно, гадко на душе, убожество. Однако живу, хожу в гимназию, тетради читаю и записываю неуспевающих. Одна она — милая. Но и здесь, будто я обманщик, вор, призрак.

31 марта.

Все течет. Пройдет и то, что сейчас со мной творится. Так долго продолжаться не может. Ясно, что это время надрывное, нервное, переходное. Хотелось бы всего себя сейчас записать. Безусловно, сейчас, полоса у меня захватывающая, не похожее ни на что прошлое.

Живу ли я сейчас. Счастлив ли я. С виду, д<олжно> б<ыть>, я похож сейчас на побитую собаку. Уныло двигаюсь и делаю самое необходимое. Физиономия, д<олжно> б<ыть>, всегда несчастна, жалка.

И физически ослаблен <нрзб>, и внутри меня все мертво. Ничего не влечет. К гимназии отвращение. Тут даже равнодушия нет, а прямо омерзение к лестнице, стенам коридоров, физиономиям учеников и учителей. А вот хожу и занимаю, да еще должен бы увлекать учеников. Знаю, что этого не могу, да и не хочу, а все-таки в классе бывает как-то не по себе, когда очень скучно. И все ради денег. И вся жизнь будет надрывом ради денег, раз нет увлечения. Надо найти место с деньгами «без идеализма», без претензий к себе, отсидел и давай денежки. Безобидно и для других и для себя. На невидном месте лучше, подальше от людей. А все-таки жить собираюсь. Чем же жить? Сейчас не могу серьезно вникнуть, не лучше ль кончить с жизнью. Сейчас хочется к ней. Около неё покой. Да, удивительное чувство. Логики ни йоты. Наперекор всякому объяснению. Вот хочется к ней и только. Быть, сидеть, разговаривать (о чем, не важно), ласкать, грустить. В сущности, это глупо, а со стороны смешно. Но здесь вносит смысл самый полный и окончательный. Удовлетворение дается взаимной лаской и присутствием само собою, без всяких соображений для иных целей. Все у нас в жизни и цель и одновременно — средство. А это само по себе. Хочется быть с ней, не ради чего-нибудь впереди, а только это, только вот сейчас быть с ней, больше ничего, будущего нет. Мысль о будущем не только поддерживает настроение настоящего (как это всегда бывает во всех случаях жизни, делаем ради будущего), но, наоборот, она отравляет, разрушает настоящее, напоминая о его конце. Маленькая самоцель. Маленькая, — а почему не большая. Может быть, и большая.

Будущее не представляю отрадным. Не верю. В себя не верю. Удовлетворение может быть только при успешности делаемого дела. У меня будет только бессилие и собиравание. Как теперь, как было раньше. Всегда и везде. Круг, поддающийся моему влиянию, не широк. Иногда бывали иллюзии (конец университета), но только иллюзии, это обнаруживалось скоро. Я – призрак, мною можно обмануться. И обманываются. До поры до времени, конечно. Сам-то не обманываюсь и не могу привыкнуть к этому, пора бы. Пора бы оставить всякие помыслы. Тем более ведь и по существу это глупо. Мучиться и совеститься, что ты родился не таким, а этаким. Всё самолюбие. А убить самолюбие, всё будет убито. Всё ли? – А она? Хочется к ней. – Деятельность будет убита. Ради неё, ради её сочувствия буду делать всё. Самолюбие сохранится, только всё остановится на одной точке, на ней. Значит, ничтожество – мучиться не перестану. Всегда будет мучительно совести и только. Нет памяти... Нет воображения... Нет быстроты соображения... Нет находчивости... Нет остроумия... Нет силы, энергии, умения делать дело. Мало мужских качеств. Много нежности, слюнявости. У кого её нет.

Таким быть на людях значит быть или смешным или противным. Надо себя прятать, казаться. Это самому противно.

От себя не уйдешь. Так было, так будет. Уйти от людей. Не могу этого. Затоскую о человеке. К человеку идут мои мысли, мои вопросы, моя жалость и тоска. Хочется быть понятым и разделить свою слабость... Быть с человеком и не прятаться – вот естественность жизни. Возможна ли она? Всегда и во всех ли случаях возможна?

– Если мне тяжелы люди и их жизнь, а сам взамен этого желать от них ничего не могу, потому что сам не знаю, что лучше, но естественно желание невмешательства, желание уйти, стать в стороне. Какая нелепость: сам ни во что не верю, ничего живого впереди не вижу ни для себя, ни для человека вообще, сам не понимаю сердцем идеи общего человеческого блага, смеюсь над словом «прогресс», сам узко хоронюсь от людей, отстраняюсь, исповедую невмешательство, – и в это же время я – педагог, словесник, будитель общественной совести,

проповедник просвещения. У самого все изъедено аморальной беспочвенностью, а должен вливать «идеалы» в души других. Не комедия ли!.. Смейся, паяц!..

5 апреля.

Кроме дряблости ничего в себе не вижу. Я ленив, ленив во всем. Отстраняюсь от мыслей. Усилия соображения – это уже тяжесть. Так нирвана, покой, поток вялого сознания, то одно всплывет, пройдешь, другое задержится, но лишь до первого затруднения и дальше и дальше. Лишь бы ничего не соображать. Вот и сейчас связно говорить уже трудно, лучше бы само писалось. Абулянт¹⁰ от вялости головы. Пусть делается всё само. Мне лишь бы не вмешиваться, ведь для этого нужно соображение. Это признак или усталости, или духовной пустоты, безразличия, или просто инертности головного аппарата, глупости, дряблости ума. Должно быть, от всего есть своя доля, а от последнего больше всего – как говорят – «неспособный»... – Что такое моя нежность и сентиментальность, как не беспомощная инерция постоянного ощущения духовной слабости и лени. Недостаток жизненной энергии – так, кажется, выражаются о таких. Но что такое жизненная энергия, если мне ничего не хочется, если у меня ничего нет, кроме самолюбия, если этому самолюбию нет удовлетворения, если оно осознано мною самим, лишь как нечто жалкое и смешное, нелепое и унижительное по самому своему существу, если такое осознанное самолюбие уже не может быть длительным импульсом для воли. Во имя чего же я буду работать над собой, над своим делом? Сознание «общественной стоимости», сознание себя «общественной единицей» – это честолюбие. Неопровержимая мысль. (Ср. у Овс<янико>-Кулик<овского>¹¹ – ссылаюсь на авторитет, иначе собственное подозрение в моем недомыслии.) Наконец вся нравственность – честолюбие, если нет Бога. Ведь это так ясно. Во имя какой же нравственности я буду принуждать себя к труду и лишениям, к энергии. Только чувство может меня заставить, но никак не идея. А чувства мои так вялы; теплы, но не горячи.

«Мы ленивы и нелюбопытны», – сказал Пушкин. Не в бровь, а в глаз.

Можно ли такого любить?!

Суббота. 16 апр<еля>.

Две недели ждал этого дня. Не приехала. Я дома. Томительно скучно.

16 апр<еля>.

Чем жить и как жить?¹²

Чем жить? Живу, значит, что-то держит жизнь. Откуда же вопрос? Чего же не хватает? Ведь живу. Встаю с постели, одеваюсь, умываюсь, иду в гимназию, там «поддерживаю своё достоинство», потом обедаю, сплю и т.д. Что же меня заставляет это делать? Сам заставляю. А не хочется? – Не хочется. Зачем же делаю? Гимназия дает деньги, чтобы *жить*: одеваться, быть сытым, входить в круг общества, сама по себе «поддерживает моё достоинство». Довольно быть средним в гимназии, лишь бы не выгнали. Но тут опять «достоинство». Нужно поддерживать своё достоинство, нужно быть *честным* – честь – честолюбие, людское мнение, любовь к *чести* от людей, чтоб тебя люди чтили – честность. Нет людей – нет честности. Жить без людей – не нуждаться в честности. А для самого себя нужна ли *честность*? Нет, тут нужна только искренность. Быть пред собой честным значит быть пред собой *искренним*, не лукавить духом. Совершенно иное с людьми. Честность пред людьми далеко не то, что искренность пред ними же. Честность пред людьми – это один из громадных плюсов в общем составе нашего «*достоинства*». Для себя самого моего достоинства нет. Оно дано. Каков есть. Плох ли, хорош ли – для себя самого достоинства – степени стоимости, ценности – я не потеряю. Для себя я ценен и плохой и хороший. Болею, что не хороший или недостаточно хороший, лучше бы было, если бы был хороший, желаю для себя «хорошести», но от этого не меньше для себя «стою». Для матери лучше иметь ребенка «хорошим» (в её смысле – это не важно, в каком), но это её желание, а ребенка она любит и таким, каков он есть, и хорошести-то ему потому и желает, что любит, он для неё «стоит» и плохой, плохого любит и от любви желает ему «хорошести», *достоинств*. Прежде любовь, потом заинтересованность в достоинствах – такова любовь к себе (если можно ощущение себя самого дорогим для себя назвать любовью), такова любовь матери к ребенку, такова вся-

кая органическая любовь, непосредственная, незаинтересованная в своем источнике в достоинствах любимого. Для любящего такой любовью нет в любимом *достоинств* и *недостатков*. Достоинства и недостатки – это только на людях и для людей, а *интимно* нет этого разделения, все одинаково, всего люблю. «Всего люблю» не значит, конечно, все принимаю как есть и никаких перемен не желал бы. Лучше бы было, кое-что исправить, изменить, улучшить, развить – такое желание всегда возможно и бывает у любящего. Но то, что желается для исправления, не влияет на степень любви. Мать не будет ребенка *больше* любить оттого, что он стал видеть обоими глазами, а раньше видел только одним, хотя бы она раньше и болела о его «недостатке» («кривой» ребенок). Она любила и «кривого» не меньше, по любви и страдала его «недостатком».

Итак, для себя самого моего «достоинства» нет. Я – это я и только. Какой «я» – можно этим болеть, но нисколько при этом не затрагивается степень моей стоимости для себя самого.

Ну и что же? Пока ясно только, что «я» себе ценен всякий. Однако почему же мы желаем одних качеств и не желаем других? Неужели только для «вида», для наблюдателя, для хороших мнений? Я стремлюсь себя улучшать – «самоусовершенствование». Для чего, для кого это нужно? Кому нужно моё совершенство? Прежде всего, – нужно ли оно мне самому? Для чего? Зачем оно? Почему хочется быть «совершенным»? Интимно, интимно, спрашиваю, т. е. совершенным для себя самого, а не пред другими. Что значит быть «совершенным», более хорошим, чем есть? Спрашиваю безотносительно, без сравнения с другими людьми. Трудно даже мыслить о совершенствах безотносительно. Для самого себя нужно только одно совершенство: понимание мира и себя, понимание жизни и смерти. Только это интимно, остальные тревоги без удовлетворения этой – подозрительны, едва ли они органичны, в них корень уже на людях.

Теперь о себе. Я не понимаю мира и жизни... И не пойму никогда. Человеку это не дано. Умру. И я умру, кончу. И я, бегающий мальчик, умру, не будет меня. Я, сидящий за столом, пишущий, думающий, ум-

ру... Только это и знаю. Могу ли я думать *далее* о совершенствах своих. Зачем совершенствоваться, когда я умру? Зачем достигать чего-то, *напрягать себя* – ведь я умру. Жить, как живется, – естественно. Живется – страдательная форма, пассивно отдаются жизни. Для напряжения нужен смысл. А без ответа на тот, главный вопрос остается только опять лишь в себе искать смысла для напряжений. И смысл этот единственный – *хочется*. Хочется – делай, и не могу не делать, потому что хочется. Не хочется, не делай, – было бы иначе бессмысленно, нелепо. Иду в театр, потому что *хочется* посмотреть артистов и пьесу. Иду в концерт – *хочется* слушать музыку. Иду на Волгу – *хочется*... Иду, жду – это *напряжение*. Не хотелось бы – не пошел бы. Обломову никуда не хотелось, и он лежал. (Умный и не честолюбивый человек. Ради честолюбия горы воротят иные – это глупо и недостойно.) Когда и у меня не будет желаний, и я буду лежать. В самом деле, ведь без смысла и руки не поднимаем! И не буду поднимать. *Захотелось* – подниму, и только в этом случае. Не ради «совершенства», а только по непосредственному хотению всякое напряжение. Деятельность – напряжение. Мой идеал – деятельность только по непосредственному хотению. «Цветы удовольствия» – пошлость, Хлестаков. Но разные бывают цветы: у Хлестакова одни, а у меня, у другого – иные. – Всё к тому же, всё к тому же, с чего ни начну. Много написал, а чего выяснил? Ничего. Всё на одном месте топчусь. Давно одно.

Если бы люди вдруг лишились честолюбия, как сильно бы сократилась деятельность. Не остановилась, а сократилась. Не было бы такой ужасной путаницы. Были бы искренни. Как сразу облегчилась бы жизнь «в людях». Исчезла бы забота о «достоинстве» и о чужом, а главное, о своём. Большущая гора с плеч.

17 апр<еля>. Ночь. Отд<ельные> страницы «Уединенного»¹³.

Мне ничего *не хочется делать*, «напрягаться». «Просто – сидеть на стуле и смотреть вдаль» (Розанов)¹⁴. Именно так. Что же меня движет? 1) Нужда (материальная). 2) Иногда честолюбие. Честолюбие – нуль, ничто.

Нужда – круг, нелепость. Двигаюсь, работаю, напрягаюсь, живу – из-за нужды, ради заработка, *денег*. Деньги нужны, чтобы жить, двигаться... и т.д. А ради чего двигаться, напрягаться? – Чтоб иметь деньги на продление ненужности, надрыва, утомления, нудности, иногда нервной трёпки, иногда тупой скуки и пр. Что лучше: скука или надрыв, вынужденное напряжение?

И то и другое нелепо. Только этим жить нельзя. Чем же, однако, живу? Есть какие-то просветы. *Она*. Волнуюсь, двигаюсь, забочусь. Что это значит? Можно ли этим жить? Ради радости с ней жить? Можно ли?

Я ишу *покоя без скуки*. Покоя души... Сначала показалась мысль удачной. Но правда ли это? Покой – ни радость, ни горе, ни страдание, ни наслаждение – ничто – небытие – смерть. Нет, смерти не хочу. Что же я хочу? Бесперывной радости, наслаждения, приятного покоя. И чтоб не надоедало. Ну, можно ли этим жить? Ведь тоже ничто, мечты, инерции. В нашем мире, с нашим устройством души скучающей – нелепая мечта. Чем же жить? Жить здесь, вот сейчас, каждую минуту. На что опереться, чтоб толкнуть себя?

Мне сейчас себя жалко.

«И я пишу к тебе. Пусть хоть это останется»
Дневник 1937 года¹⁵

2 / I 1937. Ночь.

Милая Олечка! Сейчас ночь. Тихо. Павлушеньку¹⁶ и бабушку¹⁷ не слышно. Должно быть, спят. Я в постели. Мне не спится. Тоскую я. Болит душа. Мне опять становится страшно. Павлуша теперь дома¹⁸. Сначала, в первые дни, когда мы стали опять вместе, я как-то забылся. Хорошо его опять видеть, слышать, чувствовать около себя. Мы четыре месяца друг друга не видали, четыре месяца оба страдали. Были и в эти месяцы страшные дни. Письма его шли ко мне каждый день; и я видел, чувствовал, что облегчения ему нет, порою надеялся, порою сомневался, падал духом. Когда высоко поднималась температура, были отчаяние и ужас. Должно быть, и у него это было, хотя внешне он всегда ровный, говорит о своей болезни, как будто она

не его, а какая-то посторонняя, и он ей посторонний. Но это только его сдержанность, а внутри у него болит, болит. Я это знаю, чувствую, вижу по его доброй, милой, нежной и со мною жалостливой (к себе и ко мне) улыбке.

Олечка, милая, тебе это совсем пока неизвестно¹⁹. Больше всего за тебя боюсь, чтобы ты, пока там, не узнала нашего ужаса. Внешне Павлушенька будто не страдает. Увидишь его, улыбается. Но кротость его улыбки говорит, как он несчастен. Вспоминаю, как я в первый раз увидел его в Сар<атовском> тубинституте²⁰. Вышел он ко мне в халате старом, застиранном, полинявшем, без пуговиц, без застежек, запахивается, белые штанишки из-под халата на ногах болтаются, воротник рубашки открыт (и у рубашки пуговиц нет), рукава халата ему коротки. Он сам большой такой. Идет ко мне, улыбается, ямки-ямки, черными глазиками смотрит, мальчик... Говорим о болезни. Будто нам и не страшно, будто она не наша, и завтра мы ее забудем. Так пошли дни.

Бегу к нему, сердце стучит, жадно глажу, жадно (но внешне спокойно, будто равнодушно) спрашиваю температуру. Температура по-прежнему высокая, а мне будто это пустяки, и говорим опять, конечно, о болезни, но опять как о чём-то безусловно коротком и постороннем. Ухожу, и остаемся опять он один и я один. А потом наступили эти страшные июльские дни. О них и вспоминать жутко. Не буду и сейчас говорить. Чуть-чуть поднялся он с кровати. В первый раз пошел в уборную сам, я его проводил. А дня через два-три я уехал к тебе²¹. Ты помнишь, Олечка, как мы встретились. Я долго готовился к встрече с тобою, боялся заранее, что не выдержу и выдам тайну, хотелось, чтоб и догадка у тебя не мелькнула. А тут дни тяжелых ожиданий, меня к тебе не пускали. Ряд ночей без сна. Увидел тебя и не овладел собою. Плакал, плакал. И все дни, какие был с тобою, был какой-то двойной. Ведь я его оставил, правда, с бабушкой, но совсем, совсем больного. Я это видел.

Потом поехали мы с ним в Крым. За месяц моего отсутствия (пока я к тебе ездил) ему не стало лучше. Процесс пошел на правое легкое. А левая половина вся затоплена жидкостью. Пока ехали туда, думалось:

мальчик будет отдыхать, будет <нрзб> режим, хороший воздух, неужели мальчику не будет лучше. Хотелось верить и верилось в лучшее. Приехали. Первые два дня шли хорошо. Было грустно, но надежда все побеждала. На третий день почувствовал он тошноту. Отчего? Теперь мы знаем, что у больных с экссудатом²² это периодически бывает. А тогда не знали, что подумать. Дмитриев (врач) подсказал распространение на кишечник. А мы оба уже и тогда знали, что значит заражение кишечника этой болезнью. Вышел он ко мне утром. Стал мне рассказывать, как его стошнило. Сначала опять со своей улыбкой с ямками и кроткими глазами, сказал слова два-три и заплакал. Это в первый раз за всю болезнь он при мне плакал. Раньше я раза два-три замечал слёзы на его глазах, но он тогда, таясь, отвернувшись, будто незаметно подавлял их, и я делал вид, что не замечаю. И мы опять улыбались и говорили спокойно. А теперь он не мог остановить рыданий. Было утро, 10–11 часов, солнце, перед нами море, бесконечное, голубое, мы на скамейке, на горе, среди кипарисов. Вижу перед собою сейчас и эту скамеечку и Павлушеньку передо мною, в белом чистом костюме, глаза полны слёз, рыдания рвутся через его усилия остановить их. Недолго это было. Он успокоился. Прожил я там еще три дня. Бегу с утра скорее к нему, еле дождавшись часа, когда его можно увидеть. И целые дни с ним вместе. Ему стало лучше. Тошнота стала проходить. Ему откачали немало экссудата. Переносил он эту операцию совсем незаметно. Мы гуляли немножко, сидели, смотрели на море. Прошли эти дни. Уехал я, остался он один. Плохо ему, должно быть, было. Расставались мы трудно. Очень больно и плохо было обоим. Сидим, бывало, на камушке, вдруг он ко мне прижался – руку мою возьмёт, по своей щеке водит, трется мне головой о грудь и плечо, поцеловать боится и мне целовать себя не велит.

Олечка, милая... Оба мы тогда думали, была бы ты с нами, навек это было бы счастье. Не оставался бы Павлуша один. А я и теперь уверен: ты своими умелыми заботами дала бы ему здоровье. Был бы он с тобою всё время. Мы об этом молча думали тогда, но боялись говорить, боялись выговаривать слова об этом. Так прорывались отдельные

намёки, мы оба их понимали, но говорить о тебе, о далёкой, недоступной для нас, мы не могли, мы оба разревелись бы. Все дорогое, далекое, ушедшее и недоступное оба загоняли в глубину, чтобы не вырывалось. Потом пошли эти четыре месяца. Ты о них узнаешь по письмам его и моим.

И вот теперь опять мы вместе. Первые дни будто и болезнь отошла в сторону. Павлуша всё-таки (хоть очень немного) поправился. Но положение его прежнее. Двусторонний процесс, осложненный плевритом. Оживлялись оба надеждой. Может быть, поможет Ковалев. Все знакомые посылают к этому травнику. И, правда, примеры излечений на глазах: Лаврищев, Скибицкая²³, – ты их знаешь. Их вылечил Ковалев. Рассказывают десятки и других примеров. Надежда оживляла, до известной степени оживляет и теперь. Но вот я уже опять сомневаюсь. Сделано, правда, только начало. Но пока облегчения еще никакого не замечается. Температура держится. И вижу я сам, Павлушечка облегчения не чувствует, хотя и не говорит об этом. Оба еще надеемся. Но тень становится мрачной. А вдруг и это опять не поможет.

Олечка, хватаемся, хватаемся. Что нас ждет.

Правда, не одно это лечение. Будет и другое. Но мне страшно. Увидишь ли ты нас когда-нибудь? И я пишу тебе. Пусть хоть это останется.

23 / II. Ночь.

Милая Олечка! Уже с неделю тому назад получили твоё письмо. Давно надо бы написать тебе. А мы опять не можем. Павлушенька опять в постели в тяжелом, очень тяжелом состоянии. Болезнь его ужасная сама по себе, кроме того, проходит с бесчисленными и самыми тяжелыми осложнениями. В конце декабря мы с ним приехали из Ялты (я за ним ездил). Мальчик там не очень поправился, но, во всяком случае, ухудшения все же не замечалось. Я тебе рассказывал, в каком он состоянии был, уезжая отсюда. Левая сторона залита жидкостью (после спонтана²⁴ и плеврита), тут легкое совсем не работало тогда уже.

Нельзя было написать, как я хотел: полнее расскажем, с подробностями.

Павлушеньке плохо. Одышка такая, что не находит места. Меняет положение через каждые пять–десять минут, и все плохо. Нечем, очевидно, дышать. То ему надо лечь, то посидеть, или прислониться как-нибудь. Нормально лежать не может. Да и нет такого положения, нет спасенья от одышки.

25 / II 1937.

Павлушенька опять в Тубинституте. Положение его в такой опасности, какой, кажется, не было и в июне при спонтане. Что будет дальше? Сейчас он очень слаб, слаб до последней крайности. Всё может случиться в эти дни. Всё это было так. Конец декабря. Мы приехали из Крыма. Мальчик ходил, гулял. Был в Тубинституте (за справкой), в пединституте (к врачу), выходил в магазин, купил домино. По вечерам мы втроём или вдвоём играли в это домино, в карты, про себя мечтает о дальнейшей поправке. Трава, лимон, сало. И аппетит был, и сон. Через несколько дней стал температурить, чуть-чуть, но t° поднималась выше его обычной. Колемались, куда направить его: в Москву, к Борису (в Обллубинститут), в И<нститу>т к Бадмаеву. Зашел <нрзб>, рассказал об Антиохе в г. Орджоникидзе, стали думать об Орджоникидзе, <о поездке> к Антиоху. А t° тем временем не только не падает, а легонько тянет выше. Бабушку направили в Москву к Борису, попробовать там его устроить, а перед тем съездить нам к Антиоху. Бабушка уехала. Мы запаслись билетами. Всё было наготове и нам поехать. Тут вдруг t° <нрзб> до 39° . Пришлось отменить <отъезд>. Разъяснялись телеграммами, отменили, стали ждать лучшего. Через несколько дней положение улучшилось, заказали опять билет. Получили. И вот тут, в тот день, когда получили билет, открылось кровотечение. Поездку, конечно, опять отменили. А Павлушенька застрял совсем у постели. После первого кровотечения играл на пианино, играл бурно. Может быть, от усилий кровотечение опять повторилось, на этот раз гораздо сильнее. Дня через два (нет больше) кровотечение остановилось. И t° упала до обычной нормы ($37,2^{\circ}$). Всё это было уже в числах 10–19. 14 <февраля> кровотечение опять повторилось сильно. Меня вызвали из Института, прибежала Надежда Андреевна. Потом чу-

точку опять успокоилось. 19 я вышел на работу, был там и 20. 21 / II вернулся из Института в 5 часов. Павлушенька в постели и жалуются: бок болит. При мне, пока я был около него, в этот час поднялись такие боли, что Павлуша стонал и даже вскрикивал... Я <свою> тревогу к Григорию Павловичу¹. t° в этот вечер 40,5°.

Пришла Грибова. (Тут я, кажется, пугаю дни.) Грибова констатировала воспаление. t° у Павлуши и утром 40°. Почти такая 22-го, потом 23, 24. 24 приехала бабушка. Грибова приходила каждый день, пирамидон снижал t°. Откачивала левосторонний экссудат шприцами. Не помогло. 24 вечером заходил Талер. Решительно за Тубинститут. Сегодня Павлушу отправили.

Сегодняшний день по порядку. С утра я в Тубинститут к директору, потом к Апте. Нашли место с трудом. Заказал карету. Вернулся домой. Павлушенька лежит, дышит урывками, зелено-бледный, страдающий. Карета замедлилась. Бабушка пошла потелефонить еще раз. В её отсутствие у Павлуши опять кровь. А тут подошла карета. Ехать было нельзя. Карету <отпустили> обратно. Часа через полтора вызвал опять карету. Одели Павлушу, подняли, донесли на площадку лестницы, положили на носилки, затем до кареты и в Тубинститут. Когда Павлушу опять раздели и положили на кровать, состояние его было ужасное, он задыхался, озноб. Врача пришлось ждать, послали за ним сестру. Чернышев послушал, велел дать кислороду. Павлуше стало полегче. Мальчик страдал очень. С Чернышевым в дежурке о мальчике. Потом домой, с Феней²⁶ за вещами. Там договорился о дополнительном уходе ночью с Евгенией Александровной. Опять домой. В 9 часов вечера к Григорию Павловичу. Тот говорит, что Павлуше стало лучше, он бодрый, дышит с одышкой, но легче. Не знаю, как.

Нельзя всего рассказать даже по фактам. Пропустил о лекарствах, оставшихся после Павлуши и выбранных из нашего медицинского ящика с остатками.

Павлуша сказал мне сегодня ночью: «Хотелось мне поправиться, чтобы пожить хоть немножко с «братиками», но, видно, не судьба». Сказал он то, о чем страшно думать.

Не говорили об этом. Но оба мы, конечно, знали, что эта мысль у нас общая.

Да, жили-были три братика...

Вот и всё.

26 / II. 11 ч. д<ня>.

Вернулся от Павлуши. Плохо. Только с кислородом. Лежит, задыхается. Дышит коротко, рывками. Личико маленькое на подушках.

26 / II. Пятница. 3 ч.

Пришел от Павлуши. Лежит маленький, желто-зеленый, с большими серьезными умными глазками. Стал развязывать я свою корзиночку. Отрицательно закивал сердитыми глазами (т.е. не надо этого делать), глазами подманил к себе поближе и шепотом сказал: «Я не могу... Пойди, тебе все расскажет Григорий Павлович». Я в дежурку. Там Бегучев. У Павлуши опять, как в июне, помимо всего, еще раз спонтанный пневмоторакс (самонабирание воздуха, вследствие разрыва легкого в какой-нибудь точке). Теперь с правой стороны. В июне было слева. Теперь пока важно, будет ли после откачивания воздуха (откачали больше 1000 кубиков) снова он набираться. Остальное мне всё самому ясно. Будет набираться, значит теперь же все кончено. Не будет, – конец будет отложен. На какое время? После спонтана набирается жидкость. Будет, стало быть, также залито <правое легкое>, как и левое. Чем дышать? Откачают жидкость. Она опять наберется. Теперь это уже с обеих сторон. Только и дышать, стало быть, пока откачают. А тем временем процесс будет быстро развиваться. Вот как.

Прости меня, дорогая Олечка, что не уберег я сына. Нельзя этого простить себе.

Уговорились с Григорием Павловичем, что я зайду к нему в 7 ч. К тому времени определится, набирается воздух или нет. Жду 7 часов.

Олечка, мы с Павлушей мало говорили о тебе. Нам нельзя было. Слишком это больно обоим. Надо было твой образ держать всеми силами в «нижнем этаже»²⁷. И мы в разговоре как-то молча обходили это больное место. А там всегда болело, болит-болит. И письма твои я не посылал ему в Крым, не давал читать. Я знал, как ему это больно. Последнее

твое письмо пришло при нём, на его глазах. И он его прочитал в постели. Зашел я к нему. Мальчик отвернулся к стенке, и слёзы у него льются, льются. Молчит мальчик. Потом тихонько взял меня за руку и прошептал, не глядя на меня: «А ты всё-таки Ермолай²⁸». Мальчик, мальчик, откуда у тебя у маленького столько деликатности, сдержанности, внутренней глубокой понятливости. Милый Павлушенька, друг мой незаменимый.

27 / II

Утро. Был у Павлуши. Дышит легче. Одышка все же есть и, на мой взгляд, довольно значительная. Вчера у него взяли с правой стороны 1000 куб. воздуха и с левой стороны 6000 куб. жидкости. Ночью спал, хотя не все время. Сегодня утром при мне немножко поел: 1/2 чашки кислого молока, 2 яйца (проглотил), каши чайных ложек 5. И это хорошо. Желе не стал есть: густо и сладко слишком. Слабый. Температура высокая – 39°. Возможно, что воздух, хоть и понемногу, но все же опять набирается. Это и Чернышев, видимо, предполагает (он дежурил сегодня ночью). Возможно, мне думается, что и процесс разыгрывается теперь на свободе. Положение, хоть и несколько легче, но всё же остаётся страшным.

2 / III

Идут дни. Павлуше не легче. Сначала и он, и мы были возбуждены некоторым облегчением, которое наступило после выкачивания воздуха и эксудата. Павлушенька стал ровнее дышать, хотя дыхание оставалось частым и несколько затрудненным. Павлушенька немного стал кушать. Температура все время остается высокой, хотя и снижают ее салициловой и пирамидоном. Теперь Павлуша стал опять явно уставать. Вчера и сегодня жалуется на усталость, очень большую слабость. Настроение его упало. Температура несколько не снижается, а дыхание, по-видимому, стало затруднительней. Он это чувствует, и я замечаю, хотя и стараюсь для него это сделать незаметным. Всякое новое нагромождение на его постели меня пугает. Это признак, что ему стало хуже, и он ищет новых положений. Я вижу при каждом новом посещении эти нехорошие перемены: подушки становятся все выше и выше, в ногах новые нагромождения, появились какие-то

дополнительные подкладки под бока. Горловое яблоко опять начинает ходить, хотя, конечно, не так напряженно страшно, как было тогда. И сам он опять приуныл. Есть стал меньше. Сегодня и утром и вечером ел без хлеба и очень немного молока, и обычные два яйца, и только. На этот раз не взял ни куска хлеба, не попросил ни шоколаду, ни киселя. Заметно, что он внутренне напряжен, раздраженность опять несколько проявляется. Он очень страдает и от температуры (все время выше 39°), и от тяжелых ожиданий. – Врачи, по-видимому, мало ждут хорошего. Апте сегодня остановил меня при выходе из Тубинститута: «Трудно сказать что-нибудь хорошее». – Этот, по-видимому, совсем не верит в облегчение.

6 / III

Олечка, услышишь ли ты нас когда-нибудь? Вчера с утра будто бы показались какие-то просветы на облегчение. Температура хоть капельку, – все-таки была понижена – 38,9°. Говорил, что ночь спал сравнительно спокойно и хорошо. А вечером вчера же, я заметил опять признаки ухудшения. Температура 39,1°, при мне уже начался озноб, стало быть, и повышение t°, и одышка будто усилилась. Вернулся домой опять встревоженный. И утром сегодня подтвердилось. Ночью, наверное, была t° от 40°, а может быть, и выше. Спал плохо. Войдя к нему сегодня утром, я сразу личико его увидел еще более похудевшим и позеленевшим. Лежал он потный. До меня ему уже два раза меняли рубашку. Температура 39,3° (утром!). Опять он слабый и грустный. Кушал, как всегда в эти дни, очень немного. Сейчас сижу один. Бабушка пошла на базар искать яиц. Топится печка. Тихо. На столе ждет меня присланная «Автобиография» и «Алферьев» Чернышевского²⁹. Надо это как-нибудь двигать. Не могу.

6 / III. Ночь.

Вечернее посещение Павлуши опять было грустное. Усилилась одышка. При мне лег опять высоко, так высоко, что голова клонилась на грудь, при малейшем забытье голова падала на грудь, и он пробуждался.

Рассказывал, что в обеденное время испытывал большой приступ слабости. Вызы-

вал сестру, ему сверх положенного впрыснули камфару. При мне чувствовал себя спокойней. Кушал, пробовал икру с маслом. Но, видимо, разочаровался, не так понравилось, как предполагал сам. И мне теперь кажется, что эта еда ему пока еще тяжела. Говорил об усилении одышки. Догадывается, что это все следствия нового поднятия жидкости. Предположение, очевидно, правильное. — Желудок слабо действует. Принял слабительное (английскую соль). Говорили о том, что можно еще надеяться на последнее средство — дренаж. Но можно ли? Спасёт ли это? Завтра спрошу Бегучева. Олечка, голубчик мой.

9 / III. Утро. 8 ч.

Еще не был у Павлуши. Позавчера ему отлили эксудат с правой стороны. Вместо облегчения после этого t° $40,5^{\circ}$ и страшная одышка. Пришел я к нему в 5.30. У него опять кислород. А одышка все сильнее. Часов около восьми потребовал кислород, жадно прильнул к трубке, но и он не давал ему, по-видимому, облегчения. Его душило. Опять открылся спонтан. Чернышев откачал воздух. Несколько успокоился. Я ушел в 9 часов. Ночевал у Григория Павловича. Вчера с утра спокойней, но одышка была опять. Днем Бегучев откачал жидкость с левой стороны и воздух с правой. Я заходил, узнал об этом в 3 ч. Павлушу тогда не видел. Пришел в 6 часов, а Павлушина t° опять 40° . Ушел в половине десятого. Павлуша стал потеть, может быть, t° стала понижаться.

Думаю, что t° набирается вместе с удалением нового эксудата. А тогда, где же надежда: не откачивать нельзя, а откачивание вызывает вместе с новым эксудатом новое обострение t° . Можно ли думать, что при этом положении упадет t° ? Сейчас иду. Как дышит мальчик? Не набрался ли еще воздух?

9 / III.

Был у мальчика. Опять плохо. Температура за ночь не только не снижается, но ещё выше поднялась. Сейчас $40,2^{\circ}$. Мальчик очень изнурён. Ночь совсем не спал. Поел, при мне меняли рубашку два раза. Но он и вчера потел, однако это для температуры не имело никаких облегчений.

Жизнь позади. Были три братика. Какое счастье тогда в коллапсе. И мальчик сегодня,

по-видимому, сосредоточен на этом. Не ждет хорошего и жалеет жизнь. Шепчет мне: «Вот ночью всё думаешь, пожить всё-таки хочется...». Ах, мальчик, мальчик... Олечка, милая, что же будет с тобою. Бедная.

Да чего теперь можно ждать? Чуда? А если не чуда, то, очевидно, так пойдёт. Сейчас температура. Это набирается эксудат и справа, и слева. Наберётся (может быть, за эти часы уже набрался), будет мальчик опять задыхаться. Надо будет откачивать. Откачают... Опять будет набираться и опять поднимется температура еще выше. Не вижу выхода. Боже мой. Мальчик мой милый, мартышик дорогой.

9 / III. 3 ч. 30 <м>.

Был опять у Павлушеньки. Носили его на рентген. Я говорил с Бегучевым. Рентген нового ничего не обнаружил. Эксудата пока немного (вчера откачивали). Воздух тоже не набирается. Бегучев тоже обеспокоен теперь сердцем. Утомилось и работает уже не совсем исправно. Возможно, уже неисправности сердца сами по себе дают одышку. Посидел с Павлушей. Он утомлен. Маленький, слабенький. Лежит высоко. Чувствует одышку. Я замечаю, что одышка действительно есть и довольно значительная. Пришла няня Шура. Я ушел. Теперь думаю, прибавится одышка или нет. Неужели сегодня опять придётся откачивать. Опять ужас. Бегучев сказал, что острый период выделения эксудата продолжается от 3-х до 6 недель. А Павлуша уже теперь такой слабый. Впереди много ещё.

9 / III. Ночь.

Вечером был у Павлушеньки с 6 до 8 ч. Одышка имеется, но без увеличения. Боюсь, не усилилась бы ночью. Одышка его всё-таки меня смущает, хотя Бегучев и говорит, что не от чего быть одышке: эксудата мало и воздух не прибавляется. Тем не менее, он дышит напряженно. Даже в шейных мышцах и горловом яблоке заметно напряжение, хотя и не такое, как было тогда. Но это — не предвестие ли? Один раз (перед вторым спонтаном) я уже заметил, это привело к кислороду. Но хочется надеяться, может быть, на этот раз не будет этого ужаса. Температура чуточку понизилась ($39,4^{\circ}$). — Лежит сейчас мальчик.

Спит ли? Или опять слушает тишину ночи и бой часов? – как он мне об этом сегодня рассказывал. Лежит высоко. Задремал чуть, и голова падает, свешивается на грудь. И опять смотрит, смотрит. В глазах грустное терпение. Мальчик мой, братик мой маленький.

10 / III. Ночь.

День нехороший. Утром у Павлуши слабость. Ночь опять совсем не спал. Пот, изнеможение, одышка. Взволнованность своей слабостью. Ел плохо, нехотя и немного. Был у него еще в 3 часа. Слабость прежняя, не спал. Был с 6 до 7. Слабость, одышка, пот. Нервное состояние. Внутренно непрерывно прислушивается к своему состоянию. Сознание своей слабости его окончательно угнетает. Уснуть не может. Ел очень плохо. Два яйца проглотил с большими перерывами. Ищет положений, ни одно его не успокаивает. Всё устало, и спина, и ноги, и руки. Внутренняя напряженность и беспокойство. Спать не может. Ушел я в 9 ч. Впрыснули камфару. Я у Григория Павловича. Григорий Павлович ходил к нему в 12 часов. Павлуша не спит. Значит, не действуют ни бром, ни многое другое, что в него сегодня вливали (дигитивил, <нрзб>). Неужели опять не уснет. Мальчик, мальчик³⁰.

На случай моей смерти

Олечка, прости меня, что я тебя оставил одну. Если это случилось, то, видно, я не смог дождаться, чтобы быть с тобою. Вместе мы и решили бы, что делать нам с нашей жизнью. Я предвижу, что при долгой проволочке я не справлюсь с собою и решу один. Тогда ты прости меня. Мне хочется, чтобы сердцем своим ты знала, что последние мои мысли и чувства были с тобою, что с чувством к тебе у меня всегда соединялось самое чистое, светлое, детское, что во мне было. Встреча и жизнь с тобою была самым величайшим счастьем моим. Сначала ты одна, потом с Павлушей, всегда вы были самой дорогой, нежной и величайшей святыней моей души. С вами и около вас я находил счастье и сам быть светлее, выше и чище. Прощай. Целую тебя, мой бедный голубчик.

Примечания

¹ Речь идет об Ольге Александровне Скафтымовой (урожд. Знаменской) (1884–1978). Родилась в г. Егорьевске Рязанской губернии в семье земского врача на мануфактурной фабрике братьев Хлудовых, по окончании гимназии училась в Сорбонне. С первым мужем инженером-технологом М. М. Ворошиловым жила в городе Гусь-Хрустальный Владимирской губернии (фабрика Нечаева–Мальцева). После смерти мужа переехала в Саратов. В 1916 г. О. А. Ворошилова преподаёт французский язык в гимназии А. М. Добровольского. В этой же гимназии она познакомилась со своим будущим мужем А. П. Скафтымовым, учителем русской словесности. В 1918 г. у них родился сын Павел (умер от туберкулеза в 1937 г.). В 1935 г. будучи преподавателем французского языка в Педагогическом институте, О. А. Скафтымова арестована по ложному обвинению и осуждена на 5 лет. После тюремного заключения находилась в ссылке в Карагандинских лагерях. В 1939 г. возвратилась сначала в г. Энгельс (прописка в областном центре не была разрешена), преподавала в Энгельском педагогическом институте (1939–1941), в средних школах. О. А. Скафтымова работала в Саратовском педагогическом институте с 1946 до 1954 г. Реабилитирована в 1959 г. Скончалась в 1978 г., пережив А. П. Скафтымова на девять лет.

² Упомянута мужская гимназия А. М. Добровольского на Никольской улице (ныне – Педагогический колледж на ул. Радищева) в Саратове. А. П. Скафтымов преподавал здесь в 1915–1918 гг. Квартира, в которой он жил, располагалась недалеко от гимназии: Крапивная ул. (ныне – Шевченко), д. 12, кв. 5.

³ Имеется в виду Григорий Никитич Широков, преподаватель Первой мужской гимназии в Перми, знакомый А. П. Скафтымова по работе в Первой мужской гимназии в Астрахани (до переезда в Саратов в 1915 г.). Сохранилось пять писем Широкова к Скафтымову (Коллекция книг и эпистолярный архив А. П. Скафтымова в фондах Зональной научной библиотеки Саратовского университета. Саратов, 1981. С. 56).

⁴ Лицо не установлено.

⁵ См.: Скафтымов А. П. Лермонтов и Достоевский // А. П. Скафтымов // Вестник образования и воспитания. Казань, 1916. Январь–февраль. С. 3–29.

⁶ См.: Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 4, ч. 1, гл. VII.

⁷ Слова Печорина из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (повесть «Княжна Мери»).

⁸ Слова княгини Веры из неоконченного романа М. Ю. Лермонтова «Княгиня Лиговская» (гл. VIII).

⁹ Источник цитаты не установлен.

¹⁰ Абулия (греч.) – отсутствие воли, обычно наблюдаемое у душевнобольных и меланхоликов.

¹¹ Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853–1920) – филолог, психолог, историк культуры, профессор Харьковского университета.

¹² Ср. с размышлениями в письме к Скафтымову близкого его приятеля Георгия (Юрия) Покровского из германского плена (Инстербург, 15 мая 1916 г.): «Ведь ты три года уже живешь самостоятельно! Что с тобой? Растешь? Прямо или в сук?! Удовлетворен ли? Не было ли какого внутреннего переворота? Ты понимаешь, как всё это для меня, стремящегося встать на ту же дорогу, важно узнать сейчас же, не дожидаясь конца войны. А передо мной теперь опять старый вопрос: "Как жить?". На позициях его не было, и я себя хорошо чувствовал. Но пуля

попала в верхнюю часть ноги, ошиблась на несколько вершков, и теперь опять надо жить. Война и плен не оказали на меня почти никакого влияния. Только заметно постарел. По-прежнему недоволен собой, по-прежнему всё собираюсь зажить новую, другую жизнь, круто измениться. Но уже не верю, как прежде, в возможность этого. Главное, я теперь убедился, что внешние обстоятельства мало имеют на нас влияния. А какие надежды были на них!» (Отдел редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки СГУ. Фонд А. П. Скафтымова).

¹³ Речь идет о книге В. В. Розанова «Уединенное» (СПб., 1912; 2-е изд. СПб., 1916).

¹⁴ См.: Розанов В. В. Несовместимые контрасты жизни: Литературно-эстетические работы разных лет / В. В. Розанов. М., 1990. С. 501.

¹⁵ На обложке школьной тетради, в которой писался дневник, рукой А. П. Скафтымова написаны слова: «Передать Олечке».

¹⁶ Сын А. П. Скафтымова Павлуша (25 сентября 1918 – 11 марта 1937) окончил в Саратове среднюю школу № 43, был увлечен музыкой, поступил на механико-математический факультет Саратовского университета. Будучи студентом первого курса, он неожиданно заболел туберкулезом (заразился от товарища, с которым вместе готовились к экзаменам) (Сообщено К. Е. Павловской).

¹⁷ Имеется в виду бабушка Павлуши, мать О. А. Скафтымовой – Юлия Михайловна Знаменская (урожд. Сахарова).

¹⁸ Павлуша лечился от туберкулеза в санатории в Крыму. Адрес Скафтымовых в Саратове: Камышинская (ныне – Рахова), 111, кв. 4.

¹⁹ О. А. Скафтымова в это время отбывала срок в Карагандинских лагерях.

²⁰ Ныне тубдиспансер, находится на углу ул. Вольской и Мичурина в бывшем губернаторском доме.

²¹ А. П. Скафтымов ездил к жене в Караганду летом 1936 г.

²² Экссудат – патологическая жидкость, образующаяся в легком.

²³ Лаврищев – работник облздравотдела. М. М. Скибицкая – преподаватель вокала в Саратовской консерватории (Сообщено К. Е. Павловской).

²⁴ Речь идет о спонтанном пневмотораксе, о самопроизвольном патологическом скоплении воздуха в плевральной полости без нарушения герметичности грудной клетки. Основная причина этого процесса – туберкулез легких. Скоротечная болезнь Павлуши считалась в то время неизлечимой.

²⁵ Григорий Павлович Воскресенский – врач, муж сестры А. П. Скафтымова Александры Павловны.

²⁶ Феня – Ф. П. Драганова, домработница Скафтымовых.

²⁷ Ср.: «Каждое лицо имеет свою неудовлетворенность, свой круг индивидуально-внутренней сосредоточенности, не разделяемой окружающими и чуждой для них. Поэтому жизнь каждого протекает как бы в двойном процессе. Каждый, общаясь с другими, живет только в половину и в общей жизни участвует лишь частью, и притом наиболее верхней частью своей души, а то, что внутренне для каждого является наиболее дорогим и важным, оказывается лишним, никому не нужным и неосуществленным» (Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей / А. П. Скафтымов. М., 1972. С. 357).

²⁸ Имеется в виду Ермолай Лопухин, персонаж комедии А. П. Чехова «Вишневый сад».

²⁹ А. П. Скафтымов принимал участие в подготовке издания: Чернышевский П. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1939. Т. 11; М., 1949. Т. 12 и 13.

³⁰ К дневнику приложена вырезка «Письмо в редакцию» из саратовской газеты «Коммунист»: «Приношу глубокую благодарность всем учреждениям, общественным организациям, друзьям и знакомым, выразившим мне и моей семье внимание и сочувствие по поводу постигшего меня горя – смерти сына, А. П. Скафтымова».

Публикация В. В. Прозорова,
подготовка текста и примечания А. А. Гапоненкова

УДК 882.09+929 Скафтымов

ПОСЛЕСЛОВИЕ

К. Е. Павловская

«Тоскую я. Болит душа», – так кратко определил своё состояние автор дневника, запечатлевшего трагические события, происшедшие в его семье в течение двух лет: 1935 г. – неожиданный арест Ольги Александровны, вслед за этим тяжелая болезнь их сына Павлуши, а в 1937 г. его смерть. Сразу оговоримся об условности названия публикуемого материала: это не дневник в при-

вычном понимании этого термина, а неотправленные письма жене, отбывавшей пятилетний срок ссылки в Карагандинском лагере. Каждое письмо датировано с точностью до часа написания, в каждом – отчет о состоянии Павлуши после очередной встречи с ним. Эти трагические письма не должны были быть отправлены Ольге Александровне, и муж и сын тщательно скрывали от неё

